

личных расчетов в финансовых делах вкладчиков банка — мелких торговцев и ремесленников, отмечающая высокое развитие обмена в египетской *χώρα*.

Различные частные документы изобилуют полезными сведениями: ценами на товары, перечнем различных бытовых предметов. № 894 представляет счета одного «клуба», как озаглавили документ издатели.

Важным нам представляется также упоминание в фрагментарном папирусе № 874 от 179 г. до н. э. термина *ιδίος λόγος*. Издатели указывают, что это — наиболее древнее упоминание учреждения, о котором до сих пор не было упоминаний ранее 162 г. до н. э.

Еще много можно было бы привести примеров для характеристики обильного содержания интересного сборника. Изучение его, несомненно, конкретизирует и уточняет многие вопросы истории эллинистического Египта III и II вв. до н. э. Ярким примером такой конкретизации может служить, например, № 844 от 256 г. до н. э. Это фрагмент счета мастерской, вырабатывающей растительное масло. Папирус современен Податному уставу и дает ценную иллюстрацию практики монополии растительного масла.

Издатели проделали трудную редакционную работу, издав очень фрагментарный и изобилующий сокращениями материал. Они по возможности облегчили его использование прекрасными деловыми комментариями и вводными замечаниями почти к каждому номеру. Они не только перевели на английский язык наиболее характерные и важные места документов, но и составили в отдельных случаях сводные таблицы из папирусных данных (см. № 854). Следует отметить также богатый материал для сравнений, подобранный издателем из других собраний папирусов и в особенности из собрания папирусов Зенона.

Н. Н. Пикус

RONALD SYME. The Roman Revolution. Oxford at the Clarendon Press, 1939, XII+568

Из монографий, вышедших в последнее десятилетие и посвященных истории падения республики и установлению принцепата, особое внимание исследователей привлекла книга Рональда Сайма, охватывающая период от 60 г. до н. э. до 14 г. н. э. (от установления первого триумvirата до смерти Августа). Разбору выводов и основных положений Сайма посвящен ряд рецензий, из которых наиболее значительными и основательными являются рецензии Момильяно в *Journal of Roman Studies* за 1940 г. (1,75—80), Майфайдена в *Classical Journal* за 1942 г. (№ 1, 38—40), Ламбрека в *Antiquité classique* за 1942 г. (XI, 1, стр. 147—151). Особенное внимание рецензентов привлекло то, что в своей монографии Сайм широко пользуется так называемым просопографическим методом исследования, сущность которого сводится к систематическому использованию данных, касающихся отдельных лиц и отдельных фамилий, упоминаемых в наших источниках. Просопографические исследования приобрели особенное значение в связи с изданием справочных пособий (например словаря Pauly-Wissowa); ряд исследователей (Гельцер, Мюнцер, Леви и др.), пользуясь этим методом, предложили ряд объяснений тех или иных явлений римской истории.

Особенность работы Сайма состоит в том, что просопографические данные применяются им при разрешении одного из основных вопросов римской истории. Содержание книги сводится к следующему: политические партии в Риме основывались, по мнению Сайма, на иных принципах, чем в новое время. Спор шел не между сенатом и народом, оптиматами и популярами, нобилиями (*nobiles*) и новыми людьми (*homines novi*); борьба велась за власть, богатство и славу. Родственные, дружеские, клиентские, а часто и личные связи — вот то, на чем выжидали римские партии. После Суллы правящая аристократия переживает кризис. Некоторые патрицианские фамилии исчезли совсем, другие перестали играть роль и не давали даже консулов, то же произошло и с некоторыми выдающимися плебейскими семьями. Правящая олигархия не выдвинула из своей среды

вождя и вынуждена была признать превосходство Помпея, которое установилось благодаря союзу его с Цезарем и Крассом. Впоследствии, однако, происходит сближение Помпея с сенаторской знатью, и это вызывает конфликт его с Цезарем, перешедший в гражданскую войну. Цезарь вначале отнюдь не стремился к диктатуре, был истинным союзником Помпея и выступил против него потому, что не хотел стать его жертвой. И Помпей и Цезарь в одинаковой мере стремились к господству; если бы битва при Фарсале имела иной исход, через несколько лет Помпей, вероятно, был бы диктатором и был бы убит перед своей статуей. Однако партия Помпея и партия Цезаря состояли из различных социальных элементов. Опорой первого были *nobiles*¹, защищавшие достоинство (*dignitas*) своих домов; среди сторонников Помпея можно было редко встретить новых людей (*homines novi*). Иной состав был партии Цезаря. К нему примкнули некоторые сенаторы, принадлежавшие к старым патрицианским семьям, молодые *nobiles*, среди которых были даже дети консуляров, поддерживавших Помпея и Катона Младшего. На стороне Цезаря находились «деловые люди», из которых хорошо известны нам неутомимые Опций и Бальб, могущественный банкир и финансист Рабирий Постум. Цезаря поддерживали всадники и римские плебеи, ему были преданы солдаты галльских легионов, особенное значение имела поддержка италийской муниципальной знати; наконец, на стороне Цезаря были видные провинциалы. Цель партии Цезаря—создание нового правительства, «правительства национальной концентрации». После победы над помпейцами Цезарь пополнил сенат новыми членами. Лишь незначительное меньшинство новых сенаторов принадлежало к демократическим элементам—вольноотпущенникам или провинциалам. Бывшие центурионы, посаженные в сенат, были теми же представителями италийской муниципальной аристократии. Нет оснований приписывать Цезарю стремление к осуществлению монархии восточного типа. Цезарь неповинен в своем обожествлении после смерти. Современники Цезаря, в частности Цицерон, ничего не говорят о религиозном обосновании его власти. Попытки видеть в его политике стремление утвердить монархию эллинистического типа—домыслы современных ученых. Цезарь—реалист и оппортунист, римлянин и консерватор по своим убеждениям. Диктатура вполне обеспечивала проведение его политической программы. Заговор против Цезаря был составлен *nobiles*, не мирившимися с его программой. Большую роль в подготовке заговора играли родственные и династические связи.

После смерти Цезаря происходит борьба между различными социальными элементами. В сенатском соглашении 17 марта 44 г., благодаря коалиции цезарианцев и республиканцев, Рим снова получил конституционное правление. Сайм считает, что Антоний был лоялен по отношению к республиканским учреждениям. Инициатива гражданской войны исходила от консервативных сенаторов, среди которых особенно большую роль играл Цицерон. Они соединились с Октавианом, который испльзовал имя отца и завербовал цезарианских солдат, привлек на свою сторону подозрительных финансистов, беспринципных вольноотпущенников, молодых и честолюбивых представителей италийской знати. Выступление Октавиана Сайм считает революционным. Второй триумvirат рассматривается им как стремление террористическими методами подавить противников цезарианской партии. Во время гражданских войн решающее значение имели солдаты, вышедшие по преимуществу из низших слоев италийского общества, поэтому передел земель италийских городов характеризуется как социальная революция, вызвавшая протест имущих классов—Перузинскую войну, во время которой сказались сепаратистские тенденции италийских городов. Это—до известной степени продолжение Союзнической войны. Брундизийское соглашение между Октавианом и Антонием (40 г.) положило начало преобладанию Антония. К последнему присоединяются бывшие республиканцы и наиболее видные цезарианцы. На стороне же Октавиана, кроме некоторых близких людей из видных цезарианцев,—преимущественно демокра-

¹ M. G e l z e r, (Die Nobilität der römischen Republik, Leipz.-Berl., 1912) устанавливает, что к *nobiles* относились те сенаторские семьи, которые в числе предков имели консулов. В этом смысле употребляет понятие *nobiles* и Сайм.

тические элементы: плебс и солдаты. Октавиан в это время—вождь революции. Его спасало счастье, имя Цезаря, цезареви ветераны и дипломатия друзей. После соглашения между триумвирами и Секстом Помпеем в Путеолах в Италию возвращаются многие из помпеянцев. Секста Помпея, успешно проводившего вначале свою дипломатическую политику, под влиянием цезарианской агитации считает теперь авантюристом и пиратом. Политическое влияние Октавиана растет постепенно. На его стороне были сенаторы из разряда *homines novi*, но решающую роль в повороте общественного мнения в его пользу сыграло то, что ветераны и солдаты, получавшие землю, так же как и спекулянты, разбогатевшие на проскрипциях, жаждали порядка. В партии Октавиана появляются *nobiles*, но Антоний, находившийся на Востоке, пользуется еще большим влиянием. Внешнюю политику Антония Сайм считает продолжением традиционной римской политики на Востоке. Он идет по пути Помпея и Цезаря. Брак Антония и Клеопатры объясняется исключительно дипломатическими соображениями римского полководца и эллинистической царицы. Клеопатра не отличалась ни юностью, ни красотой. Брачного союза требовал церемониал египетского двора.

Обвинение Антония в том, что он без разбора дарил римские земли, основано на излишнем доверии к той агитации, которую повел против него Октавиан. Агитация эта имела успех среди италийской муниципальной аристократии, которая была недовольна тем, что возвращение земель восточным династам лишало ее возможности бесконтрольно распоряжаться в провинциях. Партия Октавиана одерживает верх. Против Антония составил единый фронт. Октавиан выступил как вождь (*dux*) всей Италии, и борьба его с Лицинием закончилась Антийской победой. Поражение Антония объясняется не внезапным бегством Клеопатры, а тем, что Октавиану, вернее Агриппе, удалось провести блокаду; кроме того, полководцы Антония не были подготовлены к морской войне.

Победа Октавиана и его партии привела к изменению политики. Сам Октавиан, названный Августом, превратился из вождя в принцепса. 13 января 27 г. не внесло ничего принципиально нового в политический строй. Коренные изменения произошли позднее.

Сайм считает схематизмом и страшным заблуждением выдвигать на передний план юридические основания власти Августа и искать политические прецеденты ее в республиканском государственном праве; тщетны были бы наши попытки реконструировать и философское обоснование принципата.

После победы над своими политическими противниками Август не был уже революционным вождем, каким он был во время гражданских войн, и, чтобы удержать власть, он должен был иметь поддержку собственников, активное содружество правящих классов. Наряду и выше всех его полномочий стояла его *auctoritas*, то особое влияние, которым пользовался в римском обществе сенат и выдающиеся его члены. Не вся аристократия перешла на сторону Августа: среди *nobiles* было немало врагов Августа. Первые годы принципата характеризуются преобладанием монархических тенденций в политике Августа. Однако это встречает противодействие руководителей его партии и вызывает кризис партии. Разрешению кризиса способствовали близкие к Августу люди: его жена Ливия, Меценат и Агриппа. Особенно большую роль сыграли Ливия, заботившаяся об укреплении влияния своих сыновей, и Агриппа, который, несмотря на свою верность Августу, сохранил республиканские убеждения. Затруднения во внешней политике, заговоры на жизнь Августа и его болезнь способствовали тому, что в 23 г. совершился *coup d'état*, и этот год с большими основаниями можно считать началом принципата, чем 27-й. Октавиан отказывался от консульства, и власть его с этого времени базировалась на проконсульском империи (*imperium proconsulare*) и трибунской власти (*tribunicia potestas*); *nobiles* избираются на высшие должности, и в консульских *fastis* этого времени встречается немало представителей старой знати с выдающимися фамилиями, устанавливаются семейные связи, но опорой Августа, его партией остаются *homines novi*, италийская муниципальная аристократия, а главным образом—армия. Ветераны, поселенные в Италии и провинциях, также были прочной опорой его власти, бывшие центурионы выходят во всадники, из них комплектует

сы императорский аппарат. Политика Августа по отношению к сословиям изменяется в различные периоды его правления, но общей чертой его политики было привлечение новых людей. Это обусловлено не только их талантами и заслугами новой знати, большую роль играют патронат и протекция как самого Августа, так и близких к нему людей, например Ливии. К концу правления Августа, особенно с 4 г. н. э., усиливаются монархические и династические тенденции в его внутренней политике.

Победа Августа над Антонием при Акции считалась национальным и религиозным торжеством: италийские боги одержали победу над звероподобным божеством Нила. С первых дней принципата возвещается национальная программа, главными лозунгами которой были: установление мира (*pac Augusta*), возвращение свободы (*restitutio libertatis*) и восстановление обычаев предков (*mos maiorum*). Эти лозунги находят отражение в законодательстве Августа. Организации общественного мнения было уделено большое внимание, и эта задача возложена была на поэтов и историков. Большинство их пострадало во время революции, но было вознаграждено Августом. Нет оснований видеть в их отношениях к Августу только придворную лесть. Поэты этого времени—уроженцы Италии, они отражают взгляды италийских классов. Характерными чертами августовской поэзии было преодоление александризма и эллинизма, возвращение к образцам классической Греции и римской традиции. Все это способствовало созданию национальной римской поэзии.

Август встречал сопротивление главным образом со стороны потомков старой знати. Консерваторы находили поддержку в его семье. Одно время клику консерваторов поддерживал его пасынок Тиберий, какие-то неясные и непонятные политические мотивы вызвали ссылку сначала старшей, а потом и младшей Юлии. Но оппозиция старой сенатской знати не была действенной. Для эпохи Августа и последующих периодов характерно вымирание старой знати, вызванное экономическими и политическими причинами. Сайм останавливается подробно на судьбе различных родов, игравших большую роль во времена республики. После социальной революции *nobiles* остались лишь благодаря поддержке и субсидиям военного вождя, врага их класса, но они ничего не забыли и ничему не научились во время революции. Политическая активность уступает место стремлению к покою (*quies*), что раньше характерно было для всадничества. *Rex et principes* получают всеобщее признание. Победа Августа объясняется не его способностями и талантами, а поддержкой его партии. В конечном счете это была победа «неполитических классов». Принципат может в известном смысле рассматриваться как триумф Италии над Римом. «Римское государство, твердо базирующееся на единой Италии и связанное со всей империей, полностью обновилось благодаря новым институтам, новым идеям и новой литературе, ставшей классической».

Таково в общих чертах содержание книги Сайма. Появление ее внесло немало нового в историографию принципата. Автор базируется на новейшей литературе и все-сторонне использует данные источников. Наиболее ценными следует считать главы, посвященные анализу состава различных политических партий. Систематическое использование просопографических изысканий позволило Сайму решить ряд важных частных вопросов римской социальной истории. Несомненное значение имеют его выводы, касающиеся состава сенатского сословия во времена Цезаря и Августа. Многое из того, что прежде было лишь гипотезой, получило полное подтверждение. Так, например, Стюарт Джонс, один из авторов «Кембриджской древней истории», утверждал, что во времена Августа была открыта дорога новым людям, но в подтверждение своей мысли Джонс ссылался лишь на примеры Агриппы и Статилия Тавра¹. В настоящее время благодаря работе Сайма мы получили отчетливое представление о «новых людях», окружавших Августа, всем ему обязанных и во всем его поддерживавших.

Достоинством работы Сайма является то, что на первый план выдвинута социальная история. Это одна из немногих работ, в которой на передний план выдвинуты социальные отношения в период после смерти Цезаря и во времена Августа. Из новых прие-

¹ Cambridge ancient history, vol. X, 1934, стр. 177.

мов исследования обратим внимание на анализ значения различных политических лозунгов. Сайм показывает, как меняли свое значение или приспособлялись к различным политическим условиям такие понятия, как *libertas*, *concordia*, *consensus Italiae*, *mos maiorum*, которые представляют собою своеобразные политические лозунги (catchwords). Автор протестует против сведения истории принципата к анализу юридических понятий. В одном месте он замечает, что Тацит и Гиббон лучше понимали многие вопросы истории принципата, чем современные историки (стр. 3). Интересное изложение, мастерские характеристики, большой материал не только по политической истории, но и по истории быта—все это позволяет назвать книгу Сайма одной из наиболее интересных и живых книг из той необозримой литературы, которая посвящена принципату.

Критики Сайма обратили главное внимание на то значение, какое придает Сайм просопографическим данным. «Сайм и его предшественники,—пишет Макфайден,—своими просопографическими изысканиями внесли, несомненно, новое в наше понимание курса римских политиков; нельзя, однако, признать результаты этих исследований какими-то революционными, как сами исследователи склонны это допустить» (стр. 38). «Просопографические исследования,—пишет Момильяно,—имеют большое значение, когда дело идет об отдельных личностях и отдельных группах, но... история есть история проблем, а не индивидуумов или групп» (стр. 77, 78). Ламбрек, более сдержанный в своих возражениях Сайму, соглашается с последним, что партия Помпея не что иное как коалиция четырех фамилий: Метеллов, Сципионов, Клавдиев Марцеллов и Корнелиев Лентулов (стр. 147). Но в данном случае это не обосновано. Сайм и его рецензент не опираются на данные источников, и их положение относится к числу домыслов ученых «просопографического» направления. Мы считаем, что, соглашаясь с принципами Сайма, рецензент преувеличивает значение брачных союзов. Укажем хотя бы на то, что чуть ли не решающее значение в истории Цезаря придается тому, что не состоялся брак Марка Юния Брута и дочери Цезаря Юлии. Просопографический метод помог Сайму при изучении состава сената, партии Цезаря и Августа, но чрезмерное увлечение им привело автора к тому, что острая социальная борьба позднереспубликанского периода растворяется в анализе семейных коалиций, борьбы между фамилиями, династических браков и т. д. В рабовладельческом Риме с аристократическим его строем семейные связи играли, несомненно, большую роль, но переоценивать роль этих связей не приходится. Нельзя игнорировать то обстоятельство, что наши источники (Тит Ливий, Цицерон, Цезарь, Саллюстий) не придают им почти никакого значения. Однако не в переоценке просопографии видим мы основные недочеты книги Сайма. Критики его оставили без внимания те исходные положения, на каких базируются выводы Сайма. Книга его называется «Римская революция». Понятием «революция» Сайм постоянно оперирует. Попытаемся определить, как оно у Сайма трактуется. Мы находим у него замечание, что Брут и Кассий со своими сторонниками, или, как называются они у Сайма, «освободители» (*liberatores*), готовили настоящую революцию (стр. 103). Революцией называется и вербовка Октавианом цезаревых ветеранов (стр. 128). Захват восточных провинций Брутом и Кассием называется революционными изменениями на Востоке (стр. 172). Другими словами, под революцией понимается в этих случаях всякое деяние, не оправданное законами и политической традицией. Пользуется часто Сайм и термином «социальная революция». Под этим понятием он имеет в виду всякое выступление против собственности и против господствующих классов. Носителями социальной революции в 44 и последующих годах считаются цезарианские солдаты, которые характеризуются как вооруженный пролетариат Италии (стр. 180 слл., 352 и др.). Октавиан, как мы видели, называется революционным вождем, а Сальвидиен Руф—маршалом революции (стр. 220). Революция имела свои лозунги (стр. 155), осуществление их привело к тому, что в Италии одно время водворилась анархия и тирания (стр. 156). Закрепление земель за ветеранами, имущества проскрибированных за разбогатевшими спекулянтами и утверждение власти наследника Цезаря характеризуется как стабилизация революции (стр. 320). Революция привела к тому, что Италия одержала победу над Римом, но это, и по Сайму, не означало еще изменений социальных

порядков: одна олигархия (олигархия нобилей) сменилась другой. И вообще, по Сайму выходит, что обширной империей не может править демократия, ею не в силах управлять один человек, неизбежной всегда является олигархия (стр. 296). Суть только в том, из каких элементов она составляется. Таким образом, смена одной олигархии другой олигархией и является, по Сайму, революцией.

Такой взгляд на революцию свойственен не только Сайму, но и многим другим представителям немарксистской историографии. Из историков Рима следует назвать Моммзена, говорившего о революции Гракхов¹, Сульпиция Руфа² и Цинны³. Ближе всего Сайм к М. Ростовцеву, который говорит об Октавиане как революционным вожде, а об его армии как о революционной⁴. Из новых работ сошлемся на популярную книгу Евы Санфорд, у которой идет речь о революции 120—60 г.⁵ Основное положение Сайма вызвало возражения со стороны Момильяно. Последний соглашается с Саймом относительно определения последнего периода республики как революции, но склонен отнести начало этой революции к 80 г.⁶

Историка-марксиста не может удовлетворить такое понимание революции. «Революция,—говорит Ленин,—есть такое преобразование, которое ломает старое в основном и коренном». Сталин называет революционным такое движение, которое ставит своей целью «в корне уничтожить старые порядки и внести в жизнь качественные изменения, установить новые порядки»⁷. Между тем ни Октавиан, ни его союзники не ставили своей целью установление нового социального строя. Проскрипции, наделение земель—все это средства упрочения военной диктатуры, которая ставила своей целью не преобразовать общество, а подавить сопротивление трудящихся классов. Солдаты и ветераны Цезаря, избивавшие проскрибированных и отбиравшие землю у жителей италийских городов, характеризуются у Сайма как вооруженный пролетариат Италии. В этом отношении автор не оригинален, он развивает мысль Ростовцева⁸. При таком толковании интересы определенной социальной группы определяются исключительно социальным происхождением ее представителей, что ведет к неправильным выводам, к искажению действительности. Солдаты Цезаря и его преемников принадлежали к низшим классам италийских жителей, но служба в армии отрывала их от родной почвы и превращала их, как указывает Энгельс, в «ландскнехтов», в деклассированную группу, положение которой зависело от успехов того полководца, которому они служили. Ни в одном из источников не найдем мы указания, что солдаты поддерживают римскую или италийскую бедноту. Наоборот, все гражданское население ненавидит «безбожных воинов», главных виновников гражданской смуты.

Неправильное определение понятия революции не дало Сайму возможности обратить должное внимание на действительные революционные выступления в Риме и Италии против военной тирании. Сайм упоминает о них вскользь и не отделяет их от действий разнузданной солдатчины. Недостаточное внимание уделено и роли рабов во время гражданских войн. Исключение составляют лишь беглые упоминания о рабах в войске Секста Помпея (стр. 228, 231) и замечание о том, что социальная революция могла и рабов заключить в свои объятия (стр. 255); в связи с этим не отмечена и роль Августа в укреплении рабовладения.

Большую роль играет в настроении Сайма понятие партии. Но применяется оно механически. По Сайму выходит, что никогда не было противоположности между

¹ М о м м з е н, История Рима, т. II, 1937, стр. 87, сл.

² Ibid, 207.

³ Ibid, 287.

⁴ M. R o s t o v z e f f, the Social and economic history of the Roman Empire, Oxford, 1926, стр. 40.

⁵ E. S a n f o r d, The Mediterranean World in Ancient times, New-York, 1938.

⁶ Reviews and discussion, JRS, vol. XXX, p. I, 1940, стр. 75.

⁷ С т а л и н, Соч., т. I, 1946 г., стр. 300 сл.

⁸ Rostovtzeff, op. cit., стр. 29.

оптиматами и популярами; дело сводилось к борьбе между «фамильными» кликами. Выступление Тиберия Гракха, например, было инспирировано группой влиятельных консуляров антиципионовской ориентации. Отношения между различными семьями так или иначе определяют и другие драматические события римской политической истории. Ошибка Сайма заключается в том, что понятие «партия» трактуется им неисторически. Время Гракхов и последующий порядок—это период напряженной борьбы римской демократии против аристократического режима. Происхождение и фамильная принадлежность Гракхов не имели значения. Борьба определялась объективными условиями: восстаниями рабов, обезземелением крестьянства, недовольством сенатским управлением средних кругов населения, влиянием греческих политических теорий. В последующие периоды, особенно после Суллы, понятия «*optimates*» и «*populares*» имеют иное значение. Политическая борьба получает иное направление: в конце концов она сводится к борьбе за военную диктатуру. Когда автор говорит о «партии Цезаря», о «партии Октавиана», он имеет в виду те социальные круги, какие оказывали Цезарю (или Октавиану) поддержку. Никакой организованной партии Цезаря или партии Октавиана не было.

Спорными считаем мы заключения автора о партийных группировках во время принципата. Нигде нет указаний, что Ливия, Агриппа и Меценат были инициаторами политических новшеств 23 года. Не находит подтверждения в источниках и высказанное еще Ферреро положение, что Тиберий был главой аристократической партии¹.

Вызывают возражения и отдельные выводы Сайма. Положение, что Цезарь не стремился к царской власти и не заботился о своем обожествлении, осталось недоказанным. Эд. Мейер привел достаточно убедительные данные, доказывая противоположное². Их не опровергает тот *argumentum e silentio*, к которому прибегает Сайм,—ссылка на то, что об этом не говорится в переписке Цицерона (стр. 54). Нельзя забывать, что в последний период, когда особенно отчетливо сказались абсолютистские и теократические тенденции Цезаря, Цицерон был на его стороне и возлагал даже надежды на реформаторскую деятельность диктатора. Об этом говорится, между прочим, и у самого Сайма (стр. 53). Роли религиозных идей Сайм, как это отмечает и Момильяно³, не уделяет должного внимания, им не учтена работа Гаже, посвященная анализу так называемых иррациональных моментов⁴, способствовавших утверждению принципата, совсем не упомянута также интересная книга Линдсея о Марке Антонии, где религиозные вопросы этой эпохи связаны с социальными течениями⁵. Сравнительно мало уделяется внимания внешней политике, несколько в тени осталась провинциальная жизнь, взаимоотношения с подчиненными Риму государствами.

Взгляды Сайма на роль Марка Антония, несомненно, оригинальны. Можно согласиться с автором, когда он говорит, что брак Антония и Клеопатры объясняется политическими мотивами, но нельзя принять его положения о том, что Антоний был лояльным республиканцем и проводил традиционную римскую политику на Востоке. Не имея возможности анализировать подробно всю его аргументацию, отметим лишь, что нет оснований игнорировать данные источников, относящиеся к последнему периоду деятельности Антония (подготовка к Акцию и после Акция), как это делает автор. В других случаях Плутарх и Дион Кассий привлекаются Саймом как достоверные источники, здесь же они обходятся. Не считается Сайм также с нумизматическими данными, сви-

¹ Ферреро, Величие и падение Рима, русск. пер., М., 1923, стр. 141.

² E d. M e y e r, *Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus*, Stuttg. u. Berl., 1922, стр. 508 сл.

³ Рец. в JRS, 1940, I, стр. 76.

⁴ G a g é, *De César à Auguste*, «Revue historique», t. 177, Paris, 1936, стр. 279—342.

⁵ J. L i n d s a y, *Marc Antony, his world and his contemporaries*, Lond., 1936.

детельствующими об автократических тенденциях Антония¹. Не разделяем мы и взгляд Сайма на *Res gestae divi Augusti*, как на исторический источник. По мнению Сайма, этот памятник не дает даже представления о конституционном положении Августа, и «было бы неблагоприятно использовать этот документ как надежный путеводитель по истории» (стр. 523). Это, может быть, естественная реакция на книгу Вильгельма Вебера, где *Res gestae* характеризуется не только как исключительный по своей ценности исторический источник, но и как своеобразный религиозный памятник и в то же время произведение, выдающееся по своему стилю и даже ритмическому сочетанию отдельных слов². Но все же *Res gestae*—политическая программа, официально выраженный взгляд Августа на свою власть, и наши суждения о принцепате должны прежде всего базироваться на этом памятнике. Мы отметили, что в книге использована обширная литература по данному периоду, появившаяся в последние годы, но автор не прав, игнорируя некоторые выдающиеся старые исследования. Незаслуженно обойдена объемистая монография Гардтгаузена *Augustus und seine Zeit*.

Считаем необходимым отметить, что автор с большим вниманием отнесся к фактическому материалу, и во многих отношениях книга Сайма может служить надежным справочником, особенно по вопросам, касающимся происхождения и деятельности отдельных лиц. Момильяно, правда, отмечает, что на стр. 422 неправильно указано, что П. Эмилий Лепид был женат на старшей Марцелле, в действительности же он был женат на младшей Марцелле, и это указывается у того же Сайма на стр. 378, прим. 3³. Ламбрек, основываясь на исследовании де Лэ, отмечает, что Юний Поллиен и Гн. Домиций Афер начали карьеру не при Августе, а при Тиберии⁴. Кроме того, основываясь на данных того же де Лэ, Ламбрек указывает, что при Августе можно насчитать восемь сенаторов-провинциалов⁵. Мы, в свою очередь, заметим, что неправильно указана дата смерти Лепида—12 вместо 13 года (стр. 469)⁶. Кроме того, на стр. 313, где речь идет о 27 годе, Октавиан назван С. Julius Caesar Octavianus, но с 40 г. он официально именуется просто Imperator Caesar⁷.

Книга Сайма с многообещающим заглавием, использующая большое количество источников и обширную литературу, содержащая много ценных частных исследований, наблюдений и выводов по специальным вопросам, оказывается в конечном счете несостоятельной в объяснении падения республики и установления принцепата. Ни эрудиция автора, ни тщательность его работы, не могут возместить основного методологического порока автора и его книги—неумения видеть за фактами политической и социальной борьбы их скрытой пружины, их глубокой социально-экономической основы.

Н. А. Машкин

Происхождение плебейской организации

F. ALTHEIM. *Lex sacrata*. Pantheon., Akad. Verl., Amsterdam, 1940, 44 стр.

Древнейшая история римского плебса принадлежит до сих пор к числу наиболее сложных исторических проблем. Возникновение и развитие плебейской организации,

¹ САН X, 67, 69, 72, 78, 80; Gardthausen, *Augustus und seine Zeit*, I, 1891, стр. 333; II, 1891, 163.

² W. Weber, *Princeps*, I, стр. 102 ff.

³ Momigliano, *JRS*, 1940, 75.

⁴ Lambrecht, *Antiquité Classique*, 1942, стр. 149.

⁵ Ibid.

⁶ Об этой дате Gagé, *Res gestae divi Augusti*, стр. 91.

⁷ W. Liebenam, *Fasti consulares imperii Romani*, 1909.